

Деревня среди полей и берёзовых лесов

Из рассказа старожилы Филиппа Беннера, 1892 г. рождения; умер в 1984 году.

(На лавочке нашего дома в 1971-1972 гг.)

Во времена Екатерины Великой большинство людей прибыли на Волгу из земли Гессен, из района Фогельсберг, а другая часть, тоже из Гессена, но из южного района. Прибыли, – вспоминали мой дед и бабушка, – в 1766 на кораблях в Петербург, а на следующий год они построили на Волге деревню Ягодная Поляна.

Позже, в начале 1900 г., наши поволжские немцы устремились из-за нехватки земли в сибирские степи. Осенью 1904 года они вырыли себе временные землянки в Шейнтале (Новоскатовке).

Когда родители со мной приехали в Шейнталь, кругом была степь да берёзовые колки. На новом месте, где и сейчас стоит наша деревня, построили родители в 1904 году землянку, а затем возвели хозяйственные постройки, обзавелись скотом и инвентарём. Построили лютеранскую церковь и возвели башню с двумя колоколами – одним большим и другим маленьким. В большой колокол звонили, когда взрослый умер. В маленький звонили, когда ребёнок умер. Двумя колоколами звонили, когда на дворе была сильная метель, чтобы заблудившиеся шли на звон колокола. Большим звонили также по утрам, когда школьники собирались в школу, – звонили три раза с перерывами.

Звонили, когда была божественная служба. Жизнь в новой строящейся деревне начинала кипеть – распахивали степи, боронили и засевали земли, степную траву косили на зиму для скота. В берёзовых лесах собирали хворост, в степях – высохшие коровьи лепёшки.

За каждым первым переселенцем, хозяином семейства, закрепляли берёзовый лес, который новоскатовцы называли колками. Возле этого колка он имел право распахивать и засеивать степную землю, заготавливать траву и дрова на зиму. Те, у кого не было колка, не имели права рубить деревья. Впоследствии берёзовые колки получили названия, которые носят до сих пор: колос Батца, Никсе (кличка старого Пфафенрота), Шрейдера и другие. Главным занятием новоскатовцев было земледелие и скотоводство. Огороды, большой и маленький, были у всех. Сажали картошку, сахарную свеклу, а возле заборов сажали тыкву для себя и для скота.

Из сахарной свеклы делали „Rübensaft“ – сироп, из тыквы „Kirbespraps“ – повидло. Первые новоскатовцы жили в мазанках, крышу покрывали степным дёрном. Из-за нехватки дров изготавливали в начале июня навозные брикеты – горючий материал под названием „Mistholz“. Брикеты напоминали форму толстого кирпича. Форма для изготовления навозных брикетов имела два ряда с перегородкой и двумя ручками.

Форму заполняли прошлогодним навозом, который аккуратно складировали на заднем дворе. В конце марта – начале апреля на кучу кидали снег, а позже навозную кучу поливали водой, чтоб она перегорела. Затем её раскидывали вилами и месили лошадьё. Свежеприготовленным навозом заполняли форму, заглаживали её шпателем „Schmierbrett“ и оставляли высыхать. Подсохшие навозные кирпичи поворачивали и ставили на ребро. Полностью высохшие кирпичи „Mistholz“ складывали в круглую или квадратную пирамиду с отверстиями, а сверху её закрывали теми же навозными кирпичами. Осенью навозные кирпичи складывали в дровяник как готовые для топки.

Позже первые переселенцы стали строить саманные дома, снаружи и внутри их обмазывали глиной и белили, а позже их стали обшивать деревянными досками.

Для саманного дома выкапывали круглую яму, её засыпали глиной, заливали водой и босыми ногами дети школьного возраста месили до каши, постоянно по чуть-чуть добавляя

высохшую траву и солому. Пол ровно утрамбовывали глиной, натирали его свежим – разведённым коровьими навозными лепёшками. В середине дома стояла печь, которая разделяла дом на две жилые комнаты. Со стороны кухни её топили и каждую неделю белили извёсткой. На кухне стоял самодельный стол и самодельные табуреты, в углу висел самодельный шкаф для посуды.

Что немцы варили и пекли в печах

На печке и в печи готовили Schwarze Mehlsuppe, (зажаренная мука в масле и потом варилось в чугушке и добавляли картошку и яйца), Riwelesuppe, (затирка по-русски). „In den Offen stellen sie ein rundes Brotblech mit Kürbis und fühlten es mit Hackkartoffeln und Hackfleisch und lasten es im Offen garen, bis es fertig war.“ Каждую неделю стряпали пышные караваи, а к духовным праздникам (Kringel) (большие сушки), Riewelkuche (Streuselkuchen), Bretzel, плюшки, начинённые тыквенным повидлом (Kürbispraps), немецкие булочки. Варили чай, кофе, компот (Schnitzelsuppe) „mit kleine Butter Klöse“.

Варили картофельное пюре с квашеной капустой с рёбрышками – Kraut und Brei, крученые галушки, мазаные растительным маслом, – Strudel, Wickelklöse mit Sauerkraut mit Rippe und Wickelklöse. Ставился на печь чугунок с салом, наливали немного воды, клали крупно нарезанную картошку, а по верху – крученые, помазанные растительным маслом галушки. Галушки на дрожжевом тесте называли Hefeklöße. В чугунок с квашеной капустой наливалось чуть-чуть воды, наверх клали рёбрышки или кость с мясом, а потом галушки из дрожжевого теста. Всё закрывалось крышкой, чтобы галушки на пару варились, это длилось минут сорок. В печь, которую растапливали для хлеба, ставили сперва чугунок с водой и резаной картошкой с кусками мяса – это блюдо называли Proude im Offen. Ещё варили суп-лапшу из курицы – Nudelsuppe.

В Ягодной Поляне делали ливерную, мясную и картофельную колбасу. Дома на Волге стояли строго по ряду, так и в Новоскатовке с широкой дорогой и маленькими проулочными дорогами – Käsje, kleine Gasse, чтобы можно заехать на задний двор, питьевую воду брали из колодца.

Что носили роженицам

Если в Ягодной Поляне на Волге или в сибирской Новоскатовке рождался ребёнок, роженице носили питание, чтобы она могла быстрее поправиться и у ребёнка было в достатке материнское молоко, и роженица могла скорее опять работать.

В первые послеродовые дни носили куриный бульон и сладкий суп (компот) (Hessische Schnitzelsuppe). Ребёнку носили пелёнки и распашонки. После восьмого дня разрешалось крестить ребёнка, это делалось для того, чтобы чёрт не мог сделать ничего плохого маленькому ребёнку, да и злые люди не могли сглазить его.

Соберётся несколько грудных детей – пастор в Ягодной Поляне и в Новоскатовке пастор Уль до осени 1934 г. крестил детей в церкви, пока её не закрыли. Моя мать Вайц Фрида Андреевна (урождённая Шрейдер) родилась в августе 1935 года. По просьбе моего деда ветеринара Шрейдера Андрея Васильевича, бабушки Шрейдер Марии Петровны (урождённой Асмус) и моего прадеда ветсанитара Шрейдера Василия Васильевича её окрестил пастор Уль тайком ночью в октябре 1935 года. Бригадир Гейнц Яков Кондратьевич, лучший друг моего деда, вместе с его женой стали крёстными моей матери. Она была последним ребёнком, которого крестили в церкви. После этого церковь стала клубом, и детей начали крестить на дому тайком.

Как готовили на Волге девушку к свадьбе

На Волге, в Ягодной Поляне, почти у всех во дворе были гуси, утки, куры. Конечно, у бедняков домашней живности было мало.

Родители знали, что, когда вырастет дочь, к ней придут сваты, поэтому они заставляли маленьких дочерей собирать во дворе перья для подушек и перины для супружеской кровати, которую называли „Himmelsbett“.

Супружеская кровать (Himmelsbett)

После свадьбы жених загружал на телегу приданое своей невесты, любопытные деревенские жители не пропускали такие смотрины. На улице и из окон смотрели, сколько собрала невеста подушек и перин. Если их на телеге было мало, говорили: „Sie ist eine Luder“, на неё показывали пальцем и высмеивали, потому что супружеская кровать была гордостью любой хозяйки у колонистов Волги – в Новоскатовке Омской области тоже. По заправленной кровати оценивали старую и новую хозяйку. На Волге в то время были деревянные кровати, их красили в красный или синий (голубой) цвет. Кровать устанавливалась в углу комнаты, на неё складывались все подушки и одеяла, постель получалась высокой, поэтому её называли «Небесной постелью» (Himmelsbett).

Каждое утро хозяйка пушила перину и пуховые подушки. На подушках были наволочки с кружевом, что вязалось крючком, или белые кружевные накидки. Подушки для детей и гостей клали на супружескую небесную постель „Himmelsbett“, которая получалась почти до потолка. Чтобы заправить такую кровать, хозяйка вставала на табуретку или скамейку.

Небогатые люди клали на небесную кровать вместо пухового матраца соломенный. Его шили из специального материала по размеру койки, в нём было ромбообразное отверстие, в которое набивали солому или сено, ромб сверху накрывали простынёй. Солому или сено меняли один или два раза в неделю. Кровать затягивалась длинными, до пола вышитыми занавесками, которые днём задвигались, а на ночь раздвигались.

Покрывала, занавески, расшитые и вязаные наволочки у немецких колонистов на Волге были повседневные и праздничные. Их стирали на стиральной доске, затем гладили. Праздничные покрывала и занавески вынимали на Рождество, Новый год, Пасху, Вознесение Иисуса Христа, Троицу или на домашние праздники: свадьбу, рождение или крещение ребёнка.

Любую хозяйку, вспоминал старожил Филипп Беннер, в деревне можно было определить по чистоте комнат и заправленной кровати. При заправке постели хозяйка привязывала к кровати шнур, и по нему ровно заправляли супружескую небесную кровать, „Himmelsbett“.

В немецких домах того времени было много вышивок. Многие вешали на гвоздь в стене свою свадебную фату „Brautkranz und Bräutigam Straus“; и два свадебных шеста (Bänderstock), один – жениха, а другой – невесты. Для молодожёнов была популярной пословица: „Heute bekommt die Braut ein Küsje, Morgen ein Schmüsje“.

После паузы дед Филипп продолжал: «Девушки в Ягодной Поляне собирали своё приданое с раннего детства. Раз у нас Троица (Pfungsten), хочу начать с этого. Почему с субботы на воскресенье на Троицу ставят в трубу чучело (Puzemann – Vogelscheuche)? Раз Троица, значит, пришло лето, и люди в домах уже не топили – топили на заднем дворе.

В трубу чучело ставили только той семье, за жениха которой молодая девушка не хотела замуж – так выражали отказ жениху, которого не любили. От той, на которой парень хотел жениться, он получал чучело (Puzemann – Vogelscheuche). На Троицу в Новоскатовке и на Волге будущий жених (парень, которого любили) ставил зелёную ветку будущей невесте. Он копал перед домом небольшую ямку, в ямку перед домом любимой ставил зелёную ветку,

потому что зелёный цвет в Библии означает цвет жизни – возрождение. По этой зелёной ветке было понятно, что после праздника урожая „Erntedankfest“ придут сваты и сосватают её.

Из рассказа Лидии Граф, урождённой Гольштейн, очевидицы конфирмации

Осенью 1933 года в деревне Новоскатовке пошли слухи о массовом закрытии церквей. Новоскатовский пастор говорил: «Нам надо в этом году набрать конфирмантов моложе конфирмационного возраста с 10 лет – может, это будет последний конфирмационный выпуск в нашей церкви». Обучение проходило ещё в церкви, где с будущих конфирмантов требовали по библейским рисункам рассказать о жизни Иисуса Христа, выучить «Отче наш» (Vater unser) и Катисмус от Мартина Лютера (95) тезис. Каждый конфирмант должен был выбрать в Библии изречение (Spruch), которое впоследствии вставляли в рамку и вешали на стену.

Шёл май 1934 г., настало долгожданное конфирмационное воскресенье. Конфирманты в нарядных одеждах шли по церковной степной улице. Дорога, по которой шли конфирманты, была усыпана свежескошенной травой, что пахла цветами. Перед церковью был сооружён проход наподобие радуги из семи жердей, которые были разделены между собой приблизительно на метр, к ним подвесили зелёные ветки из степных цветов, чтобы дуги напоминали радугу.

Алтарь украшали вазы со степными цветами.

Свадебный шест с бантами!

Мы все знаем, что неотъемлемой частью немецкого и других народов мира является культура и история. Чтобы историю своего народа знать, надо её чтить, уважать, анализировать, что поможет в дальнейшем не совершать ошибок, которые вредили бы своему народу.

Российские немцы прибыли из разных земель Германии и принесли с собой культурно-исторические ценности, религиозные традиции, в том числе и пословицы: „Der Glaube lässt sich nicht zwingen“, „Die Religion ist der Idealismus des Volkes“, „Jedes Volk hat seine eigene Sitte“ (Prudentius), „Nur Religion macht ein Volk; wo die Menschen keine Religion haben, da ist nur Masse“ (Paul Ernst).

Германские переселенцы расселились на российской земле в многочисленных колониях, сохраняя диалекты той области, из которой они пришли. Как мы все знаем из Библии, что Бог дал израильтянам новые земли и вёл их к этим землям Моисей. Бог дал Моисею десять заповедей для народа, которые нужно чтить и уважать. Было бы хорошо чтить эти десять пунктов – они важны для всех народов мира:

- 1) Любить свой и чужой народ.
- 2) Любить страну и Родину, в которой ты родился.
- 3) Оставаться при своей вере.
- 4) Соблюдать традиции и обряды своего народа.
- 5) Уважать традиции и обряды других народов.
- 6) Быть патриотом своей страны, Родины.
- 7) Беречь свой язык и диалект.
- 8) Беречь природу и животных.
- 9) Сохранить народное и культурное наследие в музеях.
- 10) Передавать из поколения в поколение всё хорошее, что накопили предки.

Сегодня от перечисленных мною десяти пунктов ничего не осталось и не сохранилось. Человек думает, как бы есть, попить и не думает о духовном.

Расскажу коротко о старом обычае немцев: „Vänderstock“ – свадебной палке, к которой подвешены различные банты. Каждый раз, когда я спрашиваю об этом обычае, прихожу к выводу, что только пять процентов опрошенных помнят этот обычай. Это очень печально, что старые традиции уходят из нашей жизни. Сейчас мы видим на свадьбах только жениха и невесту, красивый портрет на фоне шумной дискотеки. Я не против хорошей русской, немецкой или иностранной музыки, но очень хочется, чтобы каждый народ не забывал свои традиции. Ведь это только плюс, если на свадьбах будут обыгрываться старые обычаи.

Что же представляет собой свадебный шест российских немцев – „Vänderstok“? Когда жених уже сосватал невесту и идёт приготовление к свадебному торжеству, представители от жениха и невесты идут по деревне с шестом и приглашают на свадьбу родственников, друзей и знакомых, а те в знак согласия должны завязать на посохе по ленточке. В те давние времена не было пригласительных открыток и таким образом считали количество гостей на свадьбе.

Когда шли приготовления к свадебному торжеству, крестная невесты одевала на неё свадебное платье и венок. Обычно к обеду жених забирал наряженную невесту с родственниками и друзьями из родительского дома. В пути к процессии пританцовывали гости со стороны жениха. Они плясали „Hopsa Polka“, пели частушки, некоторые на гессенском диалекте „Vogelsberg“. А обратно к дому жениха танцевали уже с двумя „Vänderstock“. Когда все вместе заходили в дом жениха, то сравнивали, чей посох пышнее, у кого больше родни и знакомых. И все два дня танцевали с „Vänderstock“. О свадебных обычаях можно рассказывать много, но именно этот обычай мне особенно дорог. Это такой же важный элемент на свадьбе, как гармошка, баян, магнитофон и другие музыкальные принадлежности. Хотелось бы, чтобы „Vänderstock“ занял своё исконное место в свадебных процессиях и гуляньях. Важно, что скопленное веками должно оставаться с нами. Всем этим надо дорожить.